

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КАК КОМПОНЕНТ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О СТАТУСЕ КОММУНИКАТИВНОГО ЯВЛЕНИЯ

С.В. Доронина, И.Ю. Качесова

Ключевые слова: речевая манипуляция, речевое воздействие, националистический дискурс, демотиватор, речевая стратегия, скрытое убеждение

Keywords: speech manipulation, speech influence, nationalistic discourse, demotivator, speech strategy, hidden persuasion

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)2-11](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)2-11)

Введение
Начиная с конца XX века и по настоящее время в современной лингвистике произошло окончательное объединение антропоцентрической и функциональных парадигм как методологической базы изучения феномена речевой коммуникации. Такого рода совмещение нашло свое отражение в филологической теории коммуникации, которая постулирует тенденцию взаимного проникновения филологии и коммуникативных наук: «в недрах новой филологии вызревают идеи, которым будет суждено положить начало современной („новейшей“) филологии, а из разрозненного гуманитарного и отчасти технического знания постепенно складывается наука о коммуникации» [Чувакин, 2014, с. 15]. Отход от системоцентрического описания позволил включить в методологическую базу инструментарий множества наук: как собственно филологических, так и находящихся вне филологической парадигмы. Филология свободно сопрягается с формальной логикой, социологией, психологией, когнитивистикой, коммуникативистикой, риторикой и так далее. «Нет стыков границ наук, ибо нет границ наук. Творческая деятельность ученого протекает не в рамках той или иной дисциплины или науки, а в иной системе членения знания — в рамках „проблемной ситуации“. Проблемная ситуация — вот классификационная единица современного научного знания» [Степанов, 1995, с. 31].

В этом же ряду находится изучение дискурса как сложного коммуникативного феномена и дискурсивных свойств текста. В.С. Григорьев-

ва в качестве конституирующего свойства дискурса называет триединство социально-поведенческой модели, выбора коммуникативной стратегии и воплощения модели в речевой жанр [Григорьева, 2007, с. 21]. Данное единство с точки зрения фокуса коммуникативно-филологического исследования трансформируется в изучении взаимосвязи и взаимного проникновения Человека, Текста и Дискурса. При этом устанавливаются динамический характер данных отношений и принципиальная невозможность выстроить иерархию понятий. Выяснение того, что должно являться первичным в исследовании — текст или дискурс, — имеет схоластический характер. Дискурс, вне всякого сомнения, порождает речевые жанры (воплощающиеся в текстах). Этого требует его коммуникативная природа. Но, с другой стороны, текст, попадая в сферу действия картины мира другого сознания, необратимо включается в процессы понимания и интерпретации: возникают новые смыслы, которых не было в начальной форме текстового существования. Текст, по мысли Ю.М. Лотмана, начинает жить «внутри мыслящих миров» [Лотман, 1996, с. 13] и сам становится базой порождения «нового мыслящего мира». Текст порождает новый дискурс. В этой бесконечной цепочке преобразований «дискурс — текст — дискурс» единственным конституирующем началом является категория Человека. Человек осуществляет выбор коммуникативно-речевой стратегии и тем самым дает импульс развертыванию текстово-дискурсивной цепочки преобразований. «Текст выступает посредником между дискурсом и аудиторией, включенными в дискурс. С одной стороны, текст воспроизводит сигналы, заданные и определенные дискурсом, с другой стороны, данные сигналы появляются не произвольно, а осознанно. Их селекцию осуществляют аудитория. Характеристики аудитории как обязательного и регулярного компонента дискурса задают появление текста с особыми свойствами, обращенными именно к данной аудитории. Таким образом, текст является промежуточным этапом в деятельности аудитории по исследованию смыслов дискурса» [Качесова, 2013, с. 28].

На непрерывность и постоянство развития отношения «дискурс — текст — дискурс» также указывал Е.В. Сидоров: «Принципиальной для текста является такая организация, которая делает возможным построение вторичной коммуникативной деятельности по модели, предложенной отправителем» [Сидоров, 2009, с. 106]. Данная статья рассматривает отношения Человека, моделирующего определенный тип дискурса, Текста, порожденного этим дискурсом, и самого Дискурса как результата действия коммуникативно-речевых стратегий как методологическую основу изучения феномена манипулирования.

Речевая манипуляция как предмет изучения в научной парадигме до конца не определена: нет общей классификации, отсутствует единная методика описания, нет устоявшейся терминологии (даже термин «речевая манипуляция» часто используется синонимично понятию «языковая манипуляция», отражая недостаточность категоризации). Такого рода трудности обусловлены сложным социально-коммуникативным характером феномена манипуляций. Но все исследователи единодушны в том, что речевая манипуляция — это разновидность речевого воздействия, которая имеет целью побудить человека к совершению действий, поступков, которые он первоначально не собирался совершать. Это воздействие всегда оказывается в пользу заинтересованного лица — манипулятора. Ср., например, определение, которое дает Г.А. Копнина: «Языковые манипуляции — это разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина, 2017, с. 18], и точку зрения Д. Лахани: «Манипулирование ценно только для одной стороны — инициатора. Манипулятор заинтересован лишь в получении личных выгод и достижении личных целей, его совершенно не интересуют выгоды и цели, а также возможные последствия для человека, на которого направлены его манипулятивные действия» [Лахани, 2007, с. 14]. В статье речевые манипуляции рассматриваются в качестве одного из инструментов формирования дискурса, при этом манипулятивный модус задается позицией субъекта коммуникации, а статус текста определяется как результат действия действующих стратегий.

Декларируемые исследовательские презумпции тем не менее не отменяют проблемы систематизации приемов манипуляции, не решенной современной лингвистикой. Полагаем, что выбор конкретной манипулятивной речевой стратегии находится в зависимости от различных особенностей коммуникативной ситуации, включающей тип адресата и адресанта, характер передаваемой информации, речевые цели говорящего. Кроме того, как уже было сказано ранее, манипуляция может быть основным и дополнительным приемом речевого воздействия. Целью настоящего исследования является реконструкция манипулятивных стратегий в высказываниях, пропагандирующих запрещенную идеологию.

Методы и материалы исследования

Материалом исследования послужили демотивационные постеры, содержащие идеи, запрещенные для публичного выражения законодательством Российской Федерации. Материалы выступают средством

интернет-общения, носят медийный характер, являются продуктами групповой и массовой коммуникации, посвящены обсуждению насущных социальных проблем и, в частности, выражают авторское отношение к насущным социально-политическим проблемам. Публичный характер речевых действий, подпадающих под действие Уголовного кодекса, требует от авторов речевых произведений особой осторожности, что, в свою очередь, позволяет нам классифицировать исследуемые процессы как скрытую коммуникацию. Методика исследования базируется на универсальных постулатах языковой семантики и представляет собой комплекс приемов, нацеленных на интерпретацию знаков текста в их комплексном взаимодействии. Прием экспликации содержания позволяет установить денотативно-сигнификативный, оценочный, мотивационно-целевой планы текста. Анализ средств выражения значений позволяет обнажить манипулятивные приемы, механизмы которых нацелены на импликацию наиболее важных компонентов выражаемого значения и снижение критического порога их восприятия реципиентом.

Результаты исследования

Согласно примечанию 2 к статье 282.1 Уголовного кодекса Российской Федерации к числу преступлений экстремистской природы относятся нарушения, совершенные по мотивам расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды. Основные типы значений, которые запрещены к публичному выражению, приведены в Федеральном Законе «О противодействии экстремистской деятельности» и соответствующих статьях Уголовного кодекса. Контекстный анализ правовых формулировок позволяет выделить семантические и прагматические компоненты таких высказываний. До последнего времени все националистически заряженные (и шире — ксенофобные) высказывания, запрещенные к публичному выражению, можно было разделить на два семантических класса: высказывания, в прямой или косвенной форме передающие негативную информацию о национальной / религиозной группе, и высказывания, выраждающие положительное отношение к какой-либо националистической идеологии [Доронина, 2019]¹.

¹ Заметим, что современное понимание экстремистской деятельности является значительно более широким, что объясняется острой внутренней и внешнеполитической ситуацией, средства выражения экстремистских значений также претерпевают изменения. Однако обсуждение этой динамики не входит в задачи настоящей статьи, а представляет перспективу исследования.

Воплощение указанных выше значений в медийном дискурсе в форме демотивационных постеров — полимодальных текстов, комбинирующих в своей композиционной структуре вербальные и изобразительные компоненты, — явление весьма типичное. Невербально может быть выражен любой компонент текста: объект речи, негативные характеристики, действия против объекта, но чаще всего символически изображается идеологический контекст высказывания (фашистская свастика, националистическая символика). В данном типе дискурса происходит размытие смысла и маскировка его под безобидные формы воздействия, которые должны быть восприняты читателем не критически. Задачей манипулятора является не только обмануть бдительность реципиента и навязать ему определенные идеологические установки, но и зашифровать смысл высказывания. Маскировка запрещенных к публичному выражению значений помогает избежать правовых последствий деяния, поскольку большинство форм намека позволяет реципиенту восстановить информацию лишь в модальности вероятного вывода. Кроме того, речевая манипуляция в медийном дискурсе нередко воплощается в формах языковой игры. Передача информации в виде намека, загадки является аттрактивным средством, усиливающим воздействие и увеличивающим потенциальную аудиторию. Таким образом, «скрытые возможности языка используются говорящим для того, чтобы навязать слушающему определенное представление о действительности, сформировать нужное отношение к ней, вызвать необходимую адресанту эмоциональную реакцию» [Попова, 2002, с. 280].

Наглядным примером манипуляций, направленных на пропаганду националистической идеологии, может послужить демотивационный постер, состоящий из следующих элементов:

- вербальный компонент — выражение *Тень предков. Береги свой род!*;
- изобразительный компонент — вооруженный автоматом человек в военной камуфляжной форме, идущий по полю. При этом в качестве фона выбран пейзаж средней полосы России;
- символические компоненты — руна «Одал», используемая как символ современными молодежными национал-социалистическими группировками; католический крест; полумесяц и пятиконечная звезда — символы ислама, шестиконечная звезда Давида — символ иудаизма; коммунистическая символика — серп и молот; совмещенные «щиты Марса» — символы мужского гомосексуализма. Каждый из перечисленных символов изображен внутри окружности, напоминающей запрещающий дорожный знак (окружность красного цвета с внутренней

линией, проведенной по диаметру слева направо сверху вниз). Таким образом, символы социальных групп и религиозных конфессий оказываются перечеркнутыми.

Как видим, ни один из компонентов полимодального высказывания не содержит прямых деклараций националистического типа. Выражение *Береги свой род!* не содержит информацию ни о насильственных действиях, ни о национальном превосходстве какой-либо группы. Однако семантика насилия все же отражается в невербальном компоненте полимодального текста — в изображении вооруженного человека в военной камуфляжной форме. Возникает вопрос, на кого же направлена эта агрессия? Объект насильственных действий обозначен в тексте также невербально с помощью символических изображений социальных групп:

- католический крест символизирует представителей католицизма,
- полумесяц и пятиконечная звезда — приверженцев ислама,
- звезда Давида — иудеев,
- серп и молот — представителей политического течения, лиц, исповедующих коммунистическую идеологию;
- расположенные рядом «щиты Марса» — представителей секулярных меньшинств.

При этом негативное отношение к данным группам выражено с помощью изображения, имитирующего перечеркивание (запрещающий знак).

Сочетание вербальных и невербальных компонентов текста порождает следующую интерпретацию: беречь свой род нужно с оружием в руках, защищая его от представителей чуждых конфессий и идеологических течений. По своей речевой цели высказывание является призывом к действиям, а насильственный характер этих действий и объект агрессивного воздействия выражаются невербально. Таким образом, наиболее одиозные смыслы высказывания выражены с помощью намека, порожденного контекстуальным взаимодействием эвфемистического выражения *Береги свой род!* с фотоизображением и символами текста.

Замена слов символами — тенденция, характеризующая все жанры современной интернет-коммуникации, однако в националистическом дискурсе она используется в целях манипулирования сознанием адресата, а также для маскировки содержания высказывания и ухода от правовой ответственности. Скрытие преступной интенции осуществляется путем устранения каких-либо компонентов текста, служащих выражению запрещенного значения «идеологически мотивированные

насильственные действия против группы». Трансформация происходит по универсальному принципу: вербальные компоненты текста заменяются изображениями, а изобразительные компоненты теряют националистические черты, трансформируясь в символы, понятные лишь посвященным. Наблюдение за демотиваторами с националистическим содержанием на протяжении последних пяти лет позволяет выделить несколько коммуникативных тактик, служащих данной цели. В основу классификации положен материал, собранный авторами в ходе экспертной практики.

Стратегия «девербализации обязательных смыслов». Необходимым признаком националистического дискурса является четкая групповая идентификация и противопоставление групп, в которые входят субъект и объект речи. Противопоставление субъектов предполагает «...различия между ними, которые преподносятся как непреодолимые и обязательно влекущие за собой конфликт и нетерпимость групп друг к другу» [Колосов, 2004, с. 249]. В современных демотивационных постерах объект агрессии предстает все более и более размыто: утрачивается экспрессивная негативно-оценочная лексика, обозначающая враждебную группу, изображения представителей других национальностей и конфессий теряют конкретность. Так, например, в постере, содержащем лозунг на английском языке «Time to hate» глагол *to hate* (*ненавидеть*) является переходным и требует прямого дополнения со значением объекта. В свою очередь, данное значение выражает изображенный на фото человек с темным цветом кожи, очевидно, представитель не европеоидной расы. Стоит отметить, что демотивационный постер, комбинирующий в своем содержании фотоизображение кареглазого темноволосого человека и негативную информацию о нем, не может быть расценен специалистом по судебной лингвистической экспертизе как экстремистский именно потому, что невозможно категорически установить, о какой национальной группе идет речь в тексте. По изображенным антропометрически значимым признакам могут быть установлены лишь представители различных рас. Представители европеоидной расы различных национальностей могут быть установлены по изображаемым символам культуры (национальная одежда, прическа, религиозная, государственная символика и пр.). Именно этих смысловых элементов постепенно лишаются демотиваторы, направленные на разжигание национальной розни. Однако общая идея конфронтации людей разных рас и национальностей по-прежнему выражена, читатель может наполнить данную идеологему конкретными значениями по собственному вкусу.

Довольно часто трансформация националистических значений идет по другому пути: содержащаяся в них оппозиция «свои — чужие» редуцируется до суждений о своей референтной группе, необходимости сохранять ее ценности. Например: *Развивайся всесторонне, будь примером во всем. Ты — представитель великой нации.* Ксенофобное значение в таких демотиваторах выражает только фоновое изображение символики неонацистов — фашистской свастики, числового символа «14/88», кельтского креста, служащего символом ультраправых националистов, ведических, рунических символов, служивших для обозначения частей и родов войск в армии Вермахта и используемых современными неонацистами, и тому подобных символов.

Следующая группа демотиваторов, появившихся в последнее время, выражается безадресной агрессией, сопровождаемой все теми же неонацистскими символами, позволяющими восстановить идеологический контекст высказываний. Примерами могут послужить демотиваторы, содержащие такие лозунги, как *No tolerance!; time to be strong; Один за всех и все за одного!; Держи бутылку правильно* (высказывание сопровождается изображением бутылки с зажигательной смесью так называемого «коктейля Молотова»). Агрессивные вербальные лозунги могут быть заменены фотоизображениями молодых людей с сильно развитой мускулатурой, демонстрацией холодного и огнестрельного оружия.

Стратегия смещения точки зрения, при которой маскировка ксенофобской идеологии происходит за счет замены агрессии к чужой национальной группе побуждением к сохранению этнических и культурных устоев своей. Данная модель является новым и, надо полагать, сугубо российским способом выражения ксенофобных значений, привнесшим на смену открытой пропаганде враждебности. Ключевой идеологемой в текстах является так называемое «славянское неоязычество» — набирающее популярность молодежное движение, в основе которого лежат «...идей исторического и духовного первенства славян (славяно-ариев) по отношению к другим народам, возврата к politeизму — почитанию исконно русских богов и др.» [Аверина, Байков, 2017, с. 92]. Данный вид демотивационных постеров имеет ряд специфических черт, проявляющихся как на вербальном, так и на невербальном уровне. Изобразительным фоном демотиватора служат среднерусские пейзажи, в текстах используются фотоизображения молодых юношей и девушек «славянской внешности» в национальных костюмах. Демотиваторы используют своеобразную символику: солярный символ «Коловрат» и черно-желто-белый триколор, являвшийся государственным флагом Российской империи с 1858 по 1896

год. Используются в этой группе текстов и рунические символы, якобы выраждающие некое древнее сакральное значение, недоступное не-посвященным. В текстах также применяется своеобразная графическая система, служащая вольной имитацией начертаний букв древнерусской азбуки. Однако несмотря на новый изобразительный ряд и символику, лозунги, используемые в постерах, являются производными от националистической идеологемы о высших и низших расах и побуждают к сохранению чистоты, на сей раз славянской нации, например: *Только чистая кровь, только белая любовь!*

Другим примером действия манипулятивной стратегии смещения акцентов, формирующей некритическое восприятие националистических идей реципиентами, представляет собой использование символов нацизма, фашизма в игровых, неутилитарных целях. Примером может служить постер, содержащий изображение свастики, нарисованной на запотевшем автомобильном стекле, сопровождающееся надписью *И не говори, что ни разу не рисовал на окне в машине...* Высказывание содержит семантическое следствие (импликацию) «каждый из нас когда-нибудь рисовал свастику». Контекст сообщает, что данный поступок является распространенной забавой, баловством и не отклоняется от социальной нормы. Однако при этом и сам символ запрещенной идеологии лишается негативной оценки, предстает как нечто нормальное, обыденное, лишенное общественной опасности.

Практикующие лингвисты-эксперты, вовлеченные в сферу расследования уголовных преступлений, в период с 2000 по 2020 годы имели возможность наблюдать, как борьба правоохранительных органов с пропагандой межнациональной нетерпимости постепенно давала свои плоды, как менялось социальное медиапространство. Тексты с прямо выраженной агрессией в адрес каких-либо национальных групп встречались все реже, им на смену приходили тексты с размытым смыслом. В большинстве своем это были краткие полимодальные тексты (демотиваторы), в которых националистические идеи были выражены в форме намеков, построенных на основе комбинации вербального и изобразительного компонентов высказывания. Речевая цель пропаганды запрещенной националистической идеологии осуществлялась с помощью манипулятивных техник, порождающих двусмысленное высказывание либо высказывание, в котором идеи национального превосходства, национальной ненависти и вражды не находились в коммуникативном фокусе, что, однако, не снимает социальной опасности текстов, внедряющих в массовое сознание разрушающую многонациональный социум идеологию.

Заключение

Речевые манипуляции — явление сложного генеза. По-прежнему вопросов у исследователей больше, чем ответов на них. Так, например, включение речевых манипуляций в контекст управления речевыми коммуникациями ставит вопрос о границах самого феномена манипуляции: если мы признаем отправной точкой злонамеренность персузивной программы манипулятора и, соответственно, принуждение аудитории к совершению поступка (речевого или неречевого), то какова свобода действий аудитории в рамках предлагаемой персузивной программы? На сколько аудитория управляема, остается ли у реципиента возможность сохранить критическое отношение к навязываемой ему картине мира / программе действий? Второй дискуссионный вопрос — каков объем средств манипулятора: входит ли в него распространение ложных суждений, или необходима тонкая комбинация прямых и скрытых сообщений? Могут ли эти суждения быть сугубо фактологическими, должны ли они быть экспрессивными, насколько необходимо, чтобы они были безупречными с точки зрения соответствия правилам логики?

Материалы данного исследования позволили нам выделить и описать стратегии, избираемые говорящим в целях вбросить в медиапространство запрещенную для публичного обсуждения тему. В этом случае автору необходима определенного рода маскировка речевой цели и содержания высказывания. Вопрос же об их пропагандистской эффективности, то есть о характере их воздействия на массовую аудиторию, требует исследования методами смежных социальных наук. На первый взгляд, перлокутивный эффект их не выше, чем у высказываний, лишенных особой коммуникативной организации, поскольку у нас нет оснований утверждать, что распространение текстов, описанных в настоящем исследовании, существенно увеличило количество лиц, разделяющих националистические убеждения.

Библиографический список

Аверина О.Р., Байков Н.М. Экстремистская символика в интернет-пространстве как фактор угрозы социализации молодежи // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 80 (3). С. 89–96.

Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: pragmalingвистический и когнитивный аспекты. Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2007. 288 с.

Доронина С.В. Речевой экстремизм в бытовой межличностной коммуникации // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. № 14 (2). С. 61–66.

Качесова И.Ю. Коммуникативно-риторическая модель русского аргументативного дискурса. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2013. 92 с.

Колосов С.А. Манипулятивные стратегии дискурса ненависти // Критика и семиотика. 2004. № 7. С. 248–256.

Копнина Г.А. Речевое манипулирование. М.: Флинта, 2017. 170 с.

Лахани Д. Искусство убеждать, или Как получить то, что хочешь. М.: Эксмо, 2007. 288 с.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек. Текст. Семиосфера. История. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Сидоров Е.В. Онтология дискурса. М.: Либроком, 2009. 232 с.

Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Ю.С. Степанов и др. Язык и наука конца XX века. М.: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 1995. С. 31–70.

Чувакин А.А. и др. Филология и коммуникативные науки. М.: Флинта, 2024. 496 с.

Источник

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025).

References

Averina O.R., Baykov N.M. Extremist symbols in the Internet space as a factor threatening the socialization of young people. *Vlast' i upravlenie na Vostoche Rossii = Power and governance in the East of Russia*, 2017, no. 80 (3), pp. 89–96. (In Russian)

Grigoreva V.S. Discourse as an element of the communicative process: pragmalinguistic and cognitive aspects, Tambov, 2007, 288 p. (In Russian)

Doronina S.V. Speech extremism in everyday interpersonal communication. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy = Theory and practice of forensic examination*, 2019, no. 14 (2), pp. 61–66. (In Russian)

Kachesova I.Yu. Communicative and rhetorical model of Russian argumentative discourse, Barnaul, 2013, 92 p. (In Russian)

Kolosov S.A. Manipulative Strategies of the Discourse of Hatred. *Kritika i semiotika = Criticism and semiotics*, 2004, no. 7, pp. 248–256. (In Russian)

Kopnina G.A. Speech Manipulation, Moscow, 2017, 170 p. (In Russian)

Lakhani D. The Art of Persuasion, or How to Get What You Want, Moscow, 2007, 288 p. (In Russian)

Lotman Yu.M. Inside the Thinking Worlds. Man. Text. Semiosphere. History, Moscow, 1996, 464 p. (In Russian)

Sidorov E.V. Ontology of Discourse, Moscow, 2009, 232 p. (In Russian)

Stepanov Yu.S. Alternative world, discourse, fact and principle of causality. *Yazyk i nauka kontsa XX veka* = Language and science of the late 20th century, 1995, 31-70 p. (In Russian)

Chuvakin A.A. et al. Philology and communication sciences, Moscow, 2024, 496 p. (In Russian)

Source

Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996, no. 63-FZ (as amended on 28.02.2025). (In Russian)